

Мария Непеина

Ева
Полянская —
жизнь и судьба

Книга 3. Прошлого
не вернуть

Мария Непеина
Ева Полянская – жизнь
и судьба. Книга 3.
Прошлого не вернуть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22169427

ISBN 9785448352034

Аннотация

Необыкновенная судьба обыкновенной девушки повествуется в этой трилогии. Дочка профессора, не знающая бед и тревог с детства, попадает во взрослый мир с арестом ее родителей, а разлука с любимым наносит еще один удар, но несмотря на потери, которые преследуют ее, чувства не умирают внутри этой хрупкой девушки, помогая жить и двигаться дальше, даря такой редкий дар, как сама любовь.

Содержание

Глава 1	5
— 1 —	5
— 2 —	27
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Ева Полянская –
жизнь и судьба
Книга 3. Прошлого
не вернуть
Мария Непеина**

© Мария Непеина, 2016

© Мария Шмакова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-5203-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

— 1 —

— Давай, Ева, давай, — пыхтела я, поднимая очередную связку дров на второй этаж. — Ты сильная, ты сможешь.

Но я уже не могла, и поэтому рухнула на ступеньку лестницы, которая вела на второй этаж. Я старалась, очень старалась, но слезы все-таки брызнули из моих глаз. Я устала, и казалось, больше не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, было даже такое ощущение, что мои части тела больше не слушаются меня, так я вымоталась за эти дни и даже уже недели.

— Давай, девочка, вставай, — уговаривала я себя, и как могла, поднимала себя. — Ты должна это сделать, не ради себя, давай.

С трудом, но я встала, снова взялась за связку дров и потащила ее наверх.

— Вот и наша дверь, — шептала я, подтаскивая дрова. — Вот молодец, ай, умница, я знала, что ты сильная Ева, знала.

Как можно тише я положила дрова на пол перед железной печкой, которая стояла прямо в зале, а ее труба выходила в форточку. Рукой в варежке я открыла горячую дверцу и стала подбрасывать дрова в огонь. Печь тут же радостно за-

гудела, раскраснелась довольная той едой, которой ее сейчас накормили, и в благодарность стала давать тепло, и оно распространялось не только на эту комнату. Я быстро поставила кастрюльки на поверхность печи, чтобы приготовить поесть и рядом была постоянно теплая вода.

– Ева, – услышала я из соседней комнаты и подняла голову, – Ева! Где ты!

Послышался надрывный кашель, я тут же скинула с себя шинель Яна, шапку, схватила кастрюльку с теплой водой и пошла в спальную комнату, в которой на кровати лежал тяжело дышащий Ян.

– Я здесь, здесь, – говорила я, поднимая его голову, чтобы он мог выпить теплой воды, она успокаивал его кашель.

– Ева, не оставляй меня, – шептал Ян, крепко схватив за руку. – Я встану, я скоро встану! – он действительно попытался подняться, но я не дала ему этого сделать и уложила его в постель, хорошенько укрывая его одеялом.

– Не оставляю, я не оставляю тебя Ян, успокойся, тише, тише, все хорошо, – шептала я и гладила его по волосам, чтобы он успокоился и заснул.

Милый Ян, бедный мой, родной. Он болел уже вторую неделю, и я не знала, что мне делать, как быть. Сбегать в больницу я не могла, на улице стояли морозы, я не знала этого маленького городка, и где эта больница расположена вообще. Ян не отпускал меня ни на минуту. Все что я успевала сделать, это с трудом наколоть дров. Да! Да! Я, дочка про-

фессора, изнеженное существо, привыкшее жить и ни о чем не беспокоиться и за которую практически все делали мужчины, с которыми она жила, колола теперь дрова во дворе! Тащила их на второй этаж, бегала на колонку за водой и тоже с трудом и со слезами поднимала в нашу квартиру, которую нам выделили с Яном.

Дорога была долгой, в вагоне было холодно. Ян постоянно кутал меня, поил горячим чаем, и я воспринимала это как должное. А сам простыл. Когда мы вышли на перрон этого северного маленького, затерявшегося в тайге городка, он уже еле стоял на ногах, но выгрузил нашу поклажу, потом перетаскал все на второй этаж, когда бородатый и молчаливый мужчина отдал нам ключи. В квартире не было ничего кроме большой железной кровати и этой печки, стоящей на середине зала. Я думала, ничего, справимся, мы постелили на постель матрас, который привезли с собой, постельное белье, поужинали остатками еды, в надежде, что завтра добудем еще, вернее Ян добудет.

Но на следующее утро Ян не встал. Он метался в жару, звал меня и не находил. Я не знала что делать, куда бежать! Первым делом я кинулась к соседям, в надежде, что кто-нибудь из них поможет мне, но, сколько бы я ни стучала в двери, мне никто не открывал! И только одна девочка сказала мне из-за закрытой двери, что все на заводе, делают патроны, бомбы или еще что-то там, для отправки на фронт и редко приходят домой. Я снова прибежала к Яну, пытаясь приве-

сти его в чувство, чтобы он сказал хотя бы, какие порошки ему дать! А когда я все-таки добилаь этого, то поняла, что в доме нет ни воды, ни еды, ни дров.

Вот так все и началось. Теперь каждое утро, я первым делом шла во двор, колола дрова, тащила их наверх, потом был черед воды, благо ведро в квартире тоже имелось. И только после этого, когда Ян выпивал свое лекарство и засыпал, я опрометью неслась на базар, чтобы купить или выменять хоть какой-то еды, чтобы бегом приготовить что-нибудь для своего мужа.

Но и это был еще не конец дня. Нужны были еще дрова, много дров, и весь последующий день я только и делала, что таскала дрова, воду, успокаивала, кормила и поила порошками Яна. Лишь перед сном, наскоро перекусив тем, что оставалось, я могла вздохнуть и помолиться, чтобы завтра у Яна было улучшение, потому что я боялась, что долго так я не вынесу.

Этот день не отличался ничем от предыдущих дней. Жар у Яна спал, но остался еще сильный кашель и слабость, лоб по-прежнему еще был горячим, когда я трогала его губами. Я не знала, сколько так выдержу, и выдержу ли вообще, потому что очень боялась, что когда-нибудь силы мои иссякнут, и я тоже не смогу ни встать, ни тем более что-то таскать на второй этаж.

– Я встану Ева, – шептал Ян, облизывая свои сухие губы. – Я обязательно скоро встану.

– Конечно, ты скоро встанешь, – я гладила его по голове и еле сдерживала свои слезы, которые так и просились пролиться из моих глаз. – Ты у меня сильный, и скоро пойдешь на поправку.

Иногда у меня не было сил даже раздеться, или просто подойти к постели. Тогда я засыпала прямо возле печки, пока Ян не начинал громко звать меня, испугавшись того, что меня рядом нет, особенно когда была ночь.

Я уже потеряла счет дням, которые были одинаково тяжелыми для меня. Стоя во дворе, и еле сдерживая свое дыхание, чтобы холодный воздух не проникал в мои легкие, я собиралась с силами, чтобы в очередной раз поднять тяжелый для меня топор и вонзить в его в полено, которое стояло передо мной и никак не хотело раскалываться на части. Из-за нехватки еды, потому что почти все, что я обменивала или покупала, я отдавала Яну, он ведь болел, а сама питалась тем, что оставалось после него, мои силы истощались, как и я сама. Иногда я смотрела на свои тонкие пальцы и руки и боялась даже думать, во что превратилось мое тело от недоедания, и от того, что я теперь намного реже стала мыться, из-за нехватки воды и тепла.

– Соберись Ева, давай! – крикнула я, взмахнула топором и промазала мимо полена. – Не могу, – зарыдала я, и упала на четвереньки. – Больше не могу, – почти провыла я и закачалась, опираясь на топор.

– Оооо непорядок, – услышала я чей-то низкий голос,

и с трудом подняла свою голову. — Милая моя, а на помощь звать не пробовала? — сказал мужчина и присел передо мной на корточки, — так ведь и сломаться не долго.

— Некого звать, — прошептала я, заикаясь от того, что все еще плакала. — Все на заводе, я одна.

— Снова непорядок, — сказал мужчина, вставая. То ли от усталости, то ли с голоду, но мне показалось, что передо мной стоит богатырь русский. Мужчина был высоким, плечистым, из-за того, что я стояла на коленях, он показался мне просто великаном! Да еще эта черная борода.

— Дай сюда, — он взял из моих рук топор, помог мне подняться с колен и отвел в сторону. — Рассказывай, — он плюнул в свои ладони, потом потер их, снова взял топор и одним махом, рыкнув, разрубил полено напополам. Я при этом вздрогнула и прижала руки к груди.

— Что рассказывать, — прошептала я, наблюдая, как богатырь, расправляясь с этим поленом, а потом с другим, которое валялся рядом.

— Кто ты красавица, как попала в наши края, эээх! — он снова размахнулся, и полено брызнуло в разные стороны, становясь при этом дровами.

— Я Ева, Романовская, ой нет, теперь Балашова, — поправила я себя.

— Приятно познакомится Ева Балашова, — мужчина снова рубанул полено. — А я Иван Иванович, значит, жалко только фамилия не Иванов, а так был бы полный комплект! — он

разрубил очередное полено и рассмеялся, глядя на меня. – Столько хватит? – он показал на дрова, которые валялись возле него.

– Да, да, конечно, спасибо, я и это-то не унесу за сегодня, – закивала я головой.

– А с чего это ты взяла, красота ты моя ненаглядная, что ты понесешь, – он подошел ко мне и посмотрел на меня со своей высоты роста. – Показывай куда нести.

Он воткнул топор в близлежащее полено, набрал охапку дров и пошел за мной. Я же шла, постоянно оглядываясь и все-еще не веря в происходящее.

– Вот, – сказала я, открывая дверь нашей с Яном квартиры и показывая на печку. – Сюда, пожалуйста, – указала я на место, возле печи. Он положил дрова и огляделся.

– Оооо, – протянул он. – Снова непорядок. Это ты красавица так тут живешь? – мужчина огорченно покачал своей головой. – Дааа, непорядок. Ну, ничего, мы это быстро исправим, – с этими словами он подмигнул мне. – Ты одна дева, или замужем? – с этими словами Иван Иванович подошел и взял мои руки в свои. – А руки-то какие холодные! – воскликнул он.

– Ева! Ева! Кто это Ева?! – услышав голос Яна, мужчина вздрогнул и оглянулся на дверь.

– Брат? – спросил он, с надеждой глядя на меня.

– Муж, – тихо ответила ему я.

– Я так и знал, – шумно вздохнул мужчина, и огорченно

покачал своей головой. – Такая красавица не может быть одна.

Мне показалось, что он сейчас уйдет, и я снова останусь один на один с этим становящимся не посильным изо дня в день трудом!

– Не уходите, пожалуйста, прошу вас, – с этими словами я сжала его руки. – Мой муж болен, а я больше не могу, не могу таскать дрова, воду, искать еду, – я снова тихо заплакала так, чтобы Ян не услышал меня. – Не оставляйте меня.

– Ай, ай, ай, – покачал головой мужчина и вытер тыльной стороной ладони мои слезы. – Как не хорошо так думать про меня, а?

Он улыбнулся мне и пошел в соседнюю комнату.

– Так, таак, – снова протянул он, оглядывая Яна и уперев руки в свои бока. – Кто тут у нас? – он взял его за руку и нащупал его пульс.

– Вы кто? Что вам нужно?! Ева! – крикнул Ян и тут же надрывно закашлялся.

– Спокойно, спокойно! – сказал Иван Иванович. – Так, красавица, неси все, что у вас есть из лекарств, и мне бы руки помыть для начала.

– Кто вы, – прошептал Ян, тяжело дыша и лежа с закрытыми глазами.

– Я главный врач местной больницы, а вот вы кто у нас будете уважаемый, – он сел на постель рядом с Яном.

– А я ваш терапевт, и заместитель, – прошептал Ян, – меня

прислали к вам, документы, — он снова закашлялся.

— Вот те на, — Иван Иванович развел своими руками. — А я его жду, жду, ищу, ищу, а он тут больной в постели валяется, да еще и жену свою гробит!

— Нет, нет, все нормально, все хорошо Ян, не переживай, — я зло шикнула на богатыря, который совсем недавно спас меня, и подала ему тазик с теплой водой, чтобы он мог вымыть свои руки. — Это последняя вода, — прошептала я. — Вы его осматривайте пока, а я до колонки сбегая.

— Стоять! — скомандовал мужчина. — Я сейчас этого доходу осмотрю, потом сам за водой схожу, а ты за это голуба моя, — он показал на меня пальцем, а потом отдал мне полотенце, которым вытирал свои руки, — чаем меня напоишь, все иди, — он кивнул в сторону двери головой, я взяла тазик и вышла из спальни комнаты.

Постояв немного с тазиком в руке, я прошла в ванную комнату, поставила его на пол, а потом заплакала, снова заплакала, от того облегчения, которое испытывала в этот момент. Я, наконец-то была не одна со своими проблемами! Не одна! Я благодарил Бога и судьбу, которые послали мне этого человека, потому что я понимала, что больше так жить я не могла, мои силы были на исходе!

— Спасибо! Спасибо! — шептала я и сжимала свои кулачки.

— Эй, красавица! — услышала я его зычный и низкий голос. Я выбежала из ванной комнаты и увидела выходящего из спальни Иван Ивановича.

– Что, – я прижала свои руки к груди, с мольбой глядя на него.

– Вылечим твоего молодца, поставим на ноги, слово тебе даю, – он положил свои руки мне на плечи, и у меня было такое ощущение, что на моих плечах сейчас стоит две горы, настолько тяжелыми они были для меня. – В больницу бы его, да мест у меня нет.

– Не надо в больницу, я сама могу делать, что нужно, вы только скажите что, – я все еще прижимала свои руки к груди, глядя на него.

– Хорошо, скажу, – он кивнул мне головой. – Давай ведро, схожу за водой, поставим чаек и я тебе все расскажу, что и как делать, глядишь и вытянем твое парня, а, – он снова подмигнул мне и широко улыбнулся.

– У меня вот только к чаю ничего нет, – растерянно говорила я, когда разливала этот напиток по кружкам, – я еще на базар не ходила.

– Так, где кухня, – хлопнул себя по ногам мужчина, и огорченно покачал головой. – Не могла раньше в больницу прийти? Хотя я и сам недавно приехал, в командировке был, – вздохнул он.

Кухня не обрадовала моего спасителя ни чем. Те же голые стены и никакой еды.

– Ну, это, красавица, – он стал грозить мне пальцем, а потоп окинул меня с ног до головы внимательным взглядом и я вся сжалась. – Ему все отдавала, – тихо сказал он, я опустило

виновато свою голову, а потом кивнул ей. — Ясно, — он тяжело вздохнул, — повезло ж ему. Так, сиди здесь, никуда не выходи, следи за печкой из-за ним вон, — Иван Иванович кивнул головой в сторону двери, ведущей в спальную комнату. Я снова покорно кивнула головой и пошла к печке, чтобы подкинуть в нее дрова.

Я не заметила, как задремала возле нее, видимо меня разморило от тепла. Меня разбудил громкий и зычный голос, который доносился с улицы. Я вздрогнула и проснулась, медленно встала, подтягиваясь и зевая, подошла к окну, выглянула на улицу, да так и застыла. Возле нашего дома стола подвода, в которую была запряжена лошадь, Иван Иванович и еще какие-то мужчины, брали мешки с подводы, или банки, и несли все это в наш подъезд. Раздался стук в дверь, и я быстро кинулась ее открывать.

— Принимай хозяйка, — сказал незнакомый мне мужчина, зашел в коридор и занес мешок на своих плечах. Я молча показала ему на кухню, он прошел в нее, поставил мешок, кивнул мне головой и вышел, но за ним тут же зашел другой мужчина.

Постепенно кухня стала заполняться мешками, банками, коробками.

— Что это, — спросила я растерянно у Ивана Ивановича, который зашел на кухню.

— Еда, — резко сказал он.

— Но куда столько? — удивилась я. — Нас же всего двое.

– Да, особенно если учесть, что ты привыкла, есть как птичка, – кивнул головой мой спаситель, снял с себя шинель, в которой был, потом шапку и закатал рукава гимнастерки. – Но мы это исправим, – с этими словами, он щелкнул меня по носу и стал развязывать первый мешок.

– Ешь, ешь, давай, – тыкал в мою сторону Иван Иванович ложкой, он тоже кушал суп, приготовленный им на печи, – не отстану, пока не доешь.

– Я больше не могу, – простонала я, держась за живот, – Иван Иванович, милый, сжальтесь надо мной.

– И не подумаю, – нахмурился тот, – и это дева моя, ты завязывай с этим, для тебя я только Иван, ну или можно Ваня, мне и так понравиться.

– Хорошо, – кивнула я головой и засмеялась! Первый раз за все то время, что я провела в этом месте, я засмеялась! Казалось от еды и тепла, я немного опьянела, поэтому я смеялась и смеялась, а потом мой смех перешел в плач.

– Ну, ну, ну не надо Ева, – он подошел, сел рядом и приобнял меня за плечи, – чего реवेशь то, все же хорошо будет.

– Поэтому и реву, – сказала я, заикаясь, – спасибо вам Иван, я думала, что уже все, я больше не могла, – я прижала руку к груди, а потом положила голову на его плечо и снова разрыдалась.

– Эх, дева, дева, – тяжело вздохнул Иван Иванович. – На-терпелась ты. Ничего, ничего, теперь легче будет. Постоянно рядом я быть не смогу, сама понимаешь.

– Семья? – я подняла голову и посмотрела на него.

– Один я, – нахмурился мой богатырь, – нет у меня семьи. Больница моя семья, да вот вы теперь, – он пристально посмотрел на меня. – А я так надеялся, что он твой брат, – Иван огорченно покачал своей головой.

– Муж, Ян Александрович Балашов, – сказала я ему и засмеялась сквозь слезы.

– Да я уже понял, что муж, ээх, – вздохнул он. – Ну а как же, такая красавица.

Я засмеялась еще громче от такого нехитрого комплимента, потому что мне было хорошо! Покой и уверенность в завтрашнем дне поселились в моей душе, и все это принес он, мой богатырь, Иван Иванович.

– Спасибо тебе мой богатырь, – неожиданно для себя произнесла я и смутилась.

– Богатырь, вот уж, – засмеялся Иван Иванович, и хлопнул себя по ногам, – так меня еще никто не называл, но тебе можно, голуба моя, тебе можно.

Теперь так и повелось. Утром я выходила во двор, собирала уже наколотые дрова, и несла их в нашу квартиру. Иван Иванович приходил на обед, проверял самочувствие Яна, которому с каждым днем становилось все лучше, приносил воды и еды, а я за это кормила его обедом. Пока богатырь ел, он рассказывал новости городка, или то, что происходит у него в больнице. Я внимательно слушала его, слегка улыбаясь ему, или смеялась, если он рассказывал смешную ис-

торию. Ян потом сердился на меня, говорил, что я слишком любезна с Иваном Ивановичем, но я помнила и была благодарна ему за свое спасение, именно спасение, потому что я знала, что силы мои были на исходе, и я готова была уже сдаться.

Благодаря ему, я перестала ходить дома в валенках, и могла себе даже позволить надевать халат, а не ходить в свитере и теплой юбке. Стала чаще мыться и обтирать Яна, потому что дома было тепло и много воды. Наш рацион стал другой, еды теперь было больше и продуктов тоже, и теперь я могла готовить не только жиденький бульончик. Я кое-как, но выведала, что эти запасы были из подпола самого Ивана Ивановича, а он клялся мне и божился, что это ему принесли благодарные больные, которым он помог стать на ноги.

– Красавица моя, ну посуди сама! – грохотал он на кухне, прижимая свои руки к груди, – разве я способен на засолку огурцов или вот этих грибов? Ты представляешь меня в фартуке?

Он делал вид, что повязывает фартук и начинает солить огурцы. Я громко смеялась и отрицательно качала своей головой. Но меня тут же звал встревоженный Ян, и мне приходилось пересказывать ему, почему я сейчас так громко и весело смеялась. Он хмурился, сжимал свои кулаки и говорил, что скоро, очень скоро сам встанет на ноги, и тогда помощник нам уже нужен не будет. Иван хмыкал при этом, и огорченно качал своей головой.

– Боже мой, стол! – радостно воскликнула я, когда Иван занес в нашу квартиру стол, а еще двое мужчин занесли стулья. – Иван, даже не думала, что буду так рада простому обыкновенному столу! Спасибо тебе, – я встала на носочки, и поцеловала его в щеку.

– Да самому надоело, есть на корточках, – засмутился тот. – Тут еще три стула, этот мой, – он сел на табуретку, поерзал на ней и довольно улыбнулся, – эта точно меня выдержит.

Стол мы поставили пока в зале, потому что все равно кушали там. Я стала беспокоиться о том, что все еще не работаю, но Иван успокоил меня, сказал, что главная моя обязанность сейчас, это поставить мужа на ноги, а все остальное потом придет и моя работа в школе. А продукты, которые он одолжил нам, Ян отработает с лихвой. Иван грозил пальцем и хмурился, а я смеялась, потому что знала, что это не так.

Так же как и стол, появились тумбочки на моей кухне, и я смогла разложить в них продукты. Было видно, что они самодельные, но для меня это было не важно. Квартира стала напоминать дом, а не просто голые стены. Со всем остальным я решила повременить, когда Ян уже встанет на ноги и только робко попросила Ивана о том, чтобы он добыл нам шкаф, чтобы я могла разобрать наши чемоданы.

– Хорошо, но только с одним условием, – он поднял один палец и сощурил свои глаза, – обе моих щеки будут достойны твоего поцелуя боярыня.

Мои щеки вспыхнули, и я прижала к ним свои ладони.

– Что не сделаешь ради мебели, – притворно вздохнула я, и мы с ним весело рассмеялись.

Я видела, что нравлюсь своему богатырю, но так же знала, что это был человек чести, и он ни за что не позволит вести себя более смело, с замужней женщиной, тем более женой своего коллеги.

Спустя еще неделю Иван помог выйти из спальни Яну, которого он посадил на табуретку возле стола.

– Стол? – удивился Ян, – откуда.

– Я же рассказывала тебе, – я стояла рядом с ним и поглаживала его по голове. Одной рукой он обнимал меня за талию, а второй поглаживал поверхность стола.

– Да, да, вспомнил, – тихо сказал Ян и поднял голову, чтобы посмотреть на меня. Он выглядел изможденным, очень похудел за время болезни, но для меня оставался таким же милым и родным маленьким доктором, моим мужем. Я наклонилась и поцеловала его, а потом провела по щеке рукой, улыбаясь.

– Накрывай на стол, боярыня, – легонько стукнул по столу Иван. Я посмотрела на него и улыбнулась. – Ммм, как вкусно, – мычал от удовольствия наш спаситель.

– Неправда, тот суп, который ты приготовил, когда при-

шел, был еще вкуснее, – сказала я.

– Это потому что ты толком ничего не ела, все отдавала тебе, между прочим, – он показал на Яна рукой.

– Иван, – сказала я недовольно и нахмурилась. – Он болел, и хватит об этом, – я сделала ему большие глаза, чтобы он больше ничего не рассказывал Яну, но тот и сам догадывался обо всем. Ведь тепло в доме и вода не могли появляться сами собой.

– Спасибо родная, – он погладил меня по руке.

– Долг платежом красен, – засмеялась я. – Однажды мой муж спас меня из лап самой Снежной королевы, – я стала рассказывать, как Ян нашел меня на вокзале, вернее я нашла, но спасал то меня он. Иван внимательно слушал, иногда качая своей большой головой.

– Что ж ты на этой станции не вышла а, я бы тебя не пропустил, – погрозил он мне пальцем.

– Но, но, но, – тут же нахмурился Ян.

– Это шутка Ян, Иван пошутил, – теперь я гладила его по руке, – кушай, давай, не зря же я старалась.

– Очень вкусно милая, поверь, – Ян продолжил ужин, все еще хмуро поглядывая на Ивана.

– А он ревнивец, – кивнув в его сторону, сказал мне наш новый друг.

– Еще какой, – вздохнула я. – Шагу не дает ступить, – ответила я ему доверительно.

– Вообще-то я тут и все слышу, – сказал Ян недовольно

и мы рассмеялись.

– Так, я сейчас, – с этими словами Иван выбежал в прихожую, а потом вернулся с бутылкой, в которой была какая-то жидкость. – По одной, за знакомство так сказать, – он разлил в наши кружки немного этой жидкости и подал нам их.

– Что это, – спросила я у него, принюхиваясь к запаху.

– Бормотуха, – засмеялся Иван, – да вы не бойтесь, это как водка, только крепче. Самодельное производство, так сказать. Давайте, – он протянул свою кружку на середину стола, – я хочу выпить за свою новую семью, за вас, друзья мои, – сказал он.

– Мы тогда выпьем за нового друга, – тихо сказал Ян, протягивая свою кружку.

– За нашего спасителя – пробормотала я, чтобы скрыть слезы, которые набежали на мои глаза.

Теперь Ян все чаще и чаще вставал с постели, пытался мне чем-то помочь, но был еще слишком слаб и поэтому все, что я могла ему позволить, так это почистить картошки, или подкинуть дров в печь. Один раз я не уследила за ним, уснув рядом с ним, а когда вздрогнула и проснулась, то обнаружила, что Яна нет рядом со мной.

– Ян, – я стала звать его, быстро надевая тапочки. – Ян!

Я выбежала в зал, потом прошла на кухню, но его нигде не было! Тогда я быстро подбежала к вешалке и увидела, что и шинели его тоже нет! Я накинула свою шубку и выскочила из квартиры прямо в тапочках и увидела его, как он тяжело

дыша, тащит на второй этаж дрова.

— Ян! — крикнула я сердито, топнула ногой и кинулась ему помогать. — Как не стыдно?! — ругала я его, — тебе только, только стало легче, ты недавно начал вставать! Зачем ты вышел на улицу! Быстро в постель.

— Я хотел помочь, — прохрипел Ян, разделся и послушно лег в постель. Я укрыла его, налила горячего чая, заставила его выпить весь и не ушла из комнаты, пока он не уснул. Вечером я пожаловалась на него Ивану, тот тоже пожурил его, сказал, чтобы он так больше не делал и удивился, как он мог так поступить, ведь он тоже врач, а значит, знает, какие бывают последствия, после таких выходов.

— Я переживал за Еву, — тихо сказал Ян, — она устала это же видно.

— Но я же рядом, — показал на себя Иван, и огорченно покачал головой. С одной стороны он понимал Яна, который хотел сам быть моим помощником и защитником, а с другой стороны, ему так нравилось быть покровителем нашей семьи, ну и в отдельности моим помощником. Перед его внутренним взором все еще стояла я, когда просила его остаться, мой умоляющий взгляд и как я вцепилась в его руки. Я тогда была изможденной усталой женщиной, а сейчас он видел перед собой розовощекую, улыбающуюся красавицу и эта женщина нравилась ему больше.

На следующий же день Яну стало хуже. Я расстроилась и тихо плакала, пока он спал, потому что винила себя в слу-

чившемся.

– Все будет хорошо, – успокаивал меня Иван, поглаживая по голове своей большой рукой, – я же обещал, что поставлю его на ноги, значит поставлю.

Ян снова теперь кушал в своей постели, и нам с Иваном приходилось кушать рядом с ним, а не за столом, который я застелила скатертью, ее я нашла в неразобранных тюках. Он смотрел на нас виноватыми глазами, а мы с Иваном хмурились и грозили ему пальцем.

Однажды мой спаситель предупредил меня, что ему нужно уехать на несколько дней в другое село, и поэтому колоть дрова он попросил своего соседа. Он проинструктировал меня, какими порошками поить Яна, а я напекла ему в дорогу пирожки, которые он хвалил, еще даже не попробовав их. Я сказала ему, что его помощи, да и его самого мне будет не хватать, потому что к хорошему быстро привыкаешь, и что мы будем ждать его возвращения.

Но когда я вышла на следующее утро во двор, наколотых дров я не увидела. То ли тот мужчина забыл, или заболел, я не знала, но продолжать топить свою печку, нужно было, и поэтому я снова взялась за топор, и мой день тут же стал напоминать мне те, которые были до того, как пришел мой богатырь, и я расслабилась. Только сил у меня сейчас было побольше чем, тогда и поэтому, резко взмахнув топором, я вонзила его в полено.

За водой я сходила так же легко, улыбаясь своим мыслям.

Накормила Яна и полежала с ним, поглаживая его по голове, пока он не уснул. И тут я поймала себя на мысли, что меня беспокоит боль внизу живота. Не то чтобы болело сильно, просто ноющая боль, но непонятно почему она меня напугала.

Теперь я стала прислушиваться к себе, иногда останавливалась и замирала на полпути. Мне было жутковато, но я ничего не говорила Яну, чтобы лишний раз не тревожить его, и потому что боялась, что его снова потянет на подвиги, а я так уже мечтала и ждала его выздоровления.

На улице стоял конец февраля, морозы спали, но начались вьюги и метели. Мне стало труднее пробираться по сугробам за той же водой и теперь еще приходилось выкапывать poleнья, прежде чем начинать колоть их. Моего богатыря не было уже пятый день. Ян спал, а я как раз принесла ведро с водой, поставила его на пол, когда мой живот пронзила дикая боль.

– Ох, – охнула я, прижала к нему свою руку и стала оседать на пол. – Больно-то как, – простонала я и вдруг почувствовала, как что-то мокрое заполняет мои колготки, в которых я была. Живот снова пронзила боль и я стиснула зубы, чтобы не закричать.

– Что же это, – снова простонала я, а потом посмотрела на свои ноги и увидела, что колготки становятся красного цвета. И я поняла, что это была кровь! – Нет, Боже мой, нет! Только не это!

Перед моими глазами все поплыло, я пыталась цепляться за сознание, потому что понимала, что мне нужна помощь, но кого мне было звать! Последнее, что я помнила, прежде чем провалиться в темноту, это ведро с водой, которое стояло рядом и как оно сверкало в лучах солнца, которые светили через окно.

— Баю, баюшки баю, не ложися на краю, придет серенький волчок и утащит за бочок, придет серенький волчок, и утащит за бочок.

Я вздрогнула и открыла глаза. Первое, что я увидела, большую полную женщину, которая укачивала маленького ребеночка на руках. Это ее песню я слышала только что. Она внимательно смотрела на меня, а когда я открыла глаза, повернулась в другую сторону.

— Эй, Ван Ваныч, проснулась доходяга твоя, — громко сказала она, хмыкнула и отошла от моей постели, в которой я лежала. Я повернула голову на бок и увидела своего спасителя, который спал на стуле. Он вздрогнул, проснулся, протер свои глаза и подошел ко мне.

— Как ты Ева, как чувствуешь себя, — тихо сказал он, наклоняясь ко мне.

— Плохо, — прошептала я, потому что в горле моем пересохло. Я догадалась, все поняла, как только открыла свои глаза и увидела себя в больничной палате. Это снова произошло. Произошло со мной, опять! Я потеряла ребенка...

— Ян знает? — спросила я хриплым голосом у Ивана.

— Да, — тихо ответил мне он. Я отвернулась от него и стала смотреть в стену. Сказать, что мне было больно, горько и обидно, значит, было, ничего не сказать. Я как будто умер-

ла, перестала существовать. Потому что не понимала, почему это происходит со мной уже во второй раз.

— Ева, — позвал меня Иван, но я не отреагировала на его зов. — Я понимаю, тебе сейчас плохо, но я рядом Ева и я помогу.

— Мне никто не может помочь, — тихо сказала я, по-прежнему не глядя на него. — Никто, — прошептала я и закрыла глаза. — Лучше я умерла, сначала при бомбежке моего поезда, замерзла на вокзале и сгорела в том огне. Зачем, зачем меня оставили жить. Зачем! — закричала я.

Иван схватил меня, потому что я выгнулась и задергалась на постели.

— Зачем! Зачем! Зачем! — кричала я и била его по спине.

С трудом, но ему удалось поставить мне укол с успокоительным и я затихла в его руках, глядя на него с болью.

— Зачем, — снова прошептала я и закрыла глаза, проваливаясь в спасительную темноту.

— Бедная моя, — укачивал меня на руках Иван, поднимая свою голову, чтобы прогнать слезы, которые навернулись на его глаза. — И меня не было рядом, не было! — он сжал кулаки, а потом тяжело задышал, успокаиваясь. — Ничего, ничего, боль пройдет, я обещаю тебе, боль пройдет, — шептал он. — Я теперь всегда буду рядом, буду помогать тебе, охранять тебя.

Я не слышала его обещаний, не слышала ничего из этого мира, потому что была в другом. В том, нет горя и боли, где

нет ничего, что могло бы причинить мне страдание, потому что в этом мире темноты не было ничего вообще.

Когда я в следующий раз открыла глаза, то увидела возле своей постели Яна. Глаза его были красными и воспаленными, он сидел, и смотрел на меня, ожидая, когда я проснусь.

Мы долго смотрели друг на друга, не решаясь заговорить, а потом Ян наклонился, поднял меня и прижал к себе.

– Прости меня, – сказал он прерывистым голосом, едва сдерживая свои эмоции.

– Нет, нет, Ян милый, это ты меня прости, я предупреждала тебя, – заплакала я и стала гладить его по голове. – А ты не слушал меня, я пустая, испорченная.

– Замолчи, – он сжал меня в своих руках, – замолчи Ева. Я люблю тебя и если бы не я, – тут голос его сорвался, и он затрясся от рыданий. – Это я во всем виноват, я.

Он плакал, прижимая меня к себе, и я плакала вместе с ним. Мы оплакивали нашего не родившегося ребенка, хотя оба были ни в чем не виноваты. Если бы нас не сослали сюда, в этот городок и Ян не простыл по дороге, если бы оставались жить, где жили до этого, если бы, если бы, если бы! Но все случилось, как случилось, и теперь нам предстояло пережить эту боль вместе.

– Главное, что мы есть друг у друга, – сказала я Яну, при-

жимаясь к нему, — главное, что мы рядом.

— Да любимая, ты права, — Ян наконец-то взял себя в руки и посмотрел на меня. — Главное, что мы живы, рядом, а ребеночка мы родим, обязательно родим, не сейчас может быть, но потом.

— Да Ян, да, — я гладила его по лицу и голове, — у нас все будет хорошо, только, — я снова заплакала, и уронила голову ему на грудь, — только бы боль поскорее прошла.

— Она пройдет Ева, пройдет, и я буду рядом, чтобы помочь тебе, я теперь всегда буду рядом, — он гладил меня по голове, и я постепенно успокаивалась и даже не заметила, как задремала в его руках.

— Как она, — услышала я сквозь дрему низкий голос Ивана.

— А ты как думаешь, — вздохнул Ян, все еще покачивая меня в своих руках.

— Это я виноват, — сказал Иван. — Если бы я не поехал в тот поселок.

— Ты должен был туда поехать, там был тяжелобольной, а ты врач, в том, что случилось, моя и только моя вина, я так долго болел, расслабился, она ухаживала за мной, — он резко замолчал. — Родная моя, — прошептал он, целуя мою голову, — это второй ребенок, которого она теряет.

— Мать честная, — сказал Иван. — А первого вы, когда потеряли.

— Не мы, а она, — и Ян рассказал Ивану, как и при каких обстоятельствах, я потеряла ребенка Николая, как хоте-

ла умереть и как я нашла его, выйдя на той станции.

– Надо же, прямо как в сказке, – хмыкнул Иван.

– В страшной сказке, – ответил ему Ян. – Ева, можно сказать, прошла воду, огонь и медные трубы.

Ян начал рассказывать Ивану про пожар, в котором я чуть не сгорела, но я уже не слышала его, потому глубокий сон уже затянул меня.

– Вот мы и дома, – говорил Ян, который поддерживал меня под руку, когда заводил в нашу квартиру. – Давай помогу тебе снять шубку, вот так, – он повесил мою шубу на вешалку и обнял меня за талию. – Теперь снимем валеночки, вот молодец.

– Ян, ну что ты со мной как с маленькой, – рассердилась я.

– Цыц! – громко сказал Ян. – Я месяц провалялся в постели, если бы мог, на руках бы тебя домой занес, да сам еще слабый. Так, а теперь закрой глаза, – попросил он меня. Я послушно закрыла глаза, и он повел меня, держа при этом за руки, чтобы я не врезалась в стену. – Все, можешь открывать.

– Ах! – ахнула я и прижала руки к груди. У меня просто не было слов! На окнах висели занавески, на полу лежали коврики, которые я связала сама, печки больше не было, а на середине комнаты стоял круглый стол, обставленный

стульями.

– Это еще не все, – сказал довольный Ян и повел меня в спальную комнату.

– Шкаф, – выдохнула я, подошла к нему и потрогала узоры, которые были на дверцах. – Какой красивый, Боже мой, – в моих глазах появились слезы. – Спасибо, – прошептала я и посмотрела на него.

– Это не мне спасибо, – вздохнул Ян, – твой верноподданный расстарался.

– Кто? – удивилась я и улыбнулась сквозь слезы.

– Я! – услышала я зычный голос, а потом увидела Ивана, который заходил в нашу спальную комнату, пряча руку за своей спиной. – Пока ты болела, я решил, что хочу вручить свою жизнь тебе, моя королева, – он склонился в поклоне, а Ян подошел ко мне, обнял за талию и притянул к себе. – Этого оболтуса я королем называть не буду, – он многозначительно поднял брови, – даже несмотря на то, что он твой муж, – Иван вдруг замялся. – Ева, – прошептал он, – а может быть все-таки брат?

– Муж, муж, – сказал Ян, смеясь и хмурясь одновременно.

– Жаль, – махнул рукой Иван.

– Что у тебя там за спиной, верноподданный, – смеялась вместе с Яном и я.

– А это сюрприз! – с этими словами, он вынул руку, в которой оказалась бутылка вина.

– Ооо, вино, – сказала я и вязала бутылку из его рук, – я

сейчас накрою на стол.

– Я тебе накрою, – погрозил мне кулаком Иван, – так, ты тут давай переодевайся, – он выхватил бутылку из моей руки, – оболтус за мной.

Я осталась в комнате одна и огляделась. Она стала намного уютнее, чем я запомнила ее. На большом окне висела штора, кровать была красиво заправлена, на полу лежал половичок. Я подошла к шкафу и открыла его. Все вещи были аккуратно разложены по полочкам, как было и в прежнем нашем доме. Я потрогала их и улыбнулась, потом нашла свой халат и вдруг передумала надевать его. Я решила удивить мужчин, поэтому взяла одно из своих платьев, и надела его на себя. Оно немного висело на мне, потому что я еще больше похудела с того времени, как носила его последний раз, но я потуже затянула пояс, нашла где лежат мои драгоценности, выбрала белые бусы, которые подарил мне Ян, вставила в уши сережки в тон. Потом сделала себе красивую прическу, еще раз придирчиво оглядела себя со всех сторон и только тогда вышла из спальни комнаты.

– А я ему, значит, и говорю, – рассказывал что-то свое Иван Яну, расставляя тарелки на стол. – Мать честная, – застыл он с открытым ртом, когда увидел меня. Ян резко повернулся ко мне и заулыбался, когда увидел, что я оделась нарядно, потом подошел, обнял за талию, притянул к себе и поцеловал.

– Так не честно, – засопел Иван, – дай хотя бы посмотреть.

Ян отошел от меня, а я медленно подошла к Ивану, поднялась на носочки и поцеловала его в обе щеки.

– За шкаф, – тихо сказала я, смущенно улыбаясь ему.

– Никогда не видел ничего красивее, – прошептал потрясенный Иван, глядя на меня во все глаза. – Ева я, – он запнулся и взял мои руки, – я всегда буду рядом с тобой.

Ян кашлянул в кулак, напоминая, что он рядом.

– Как друг, как твой верноподданный, – вздохнул Иван, – раз по-другому больше нельзя, – пробурчал он и отпустил мои руки.

– Нельзя, – строго сказал Ян, подошел ко мне и обнял, – моя женщина, – он поцеловал меня в шею, – можно только смотреть.

– И подчиняться, – я подняла один палец и засмеялась.

– Слушаю и повинуюсь, – сказал Иван и склонил свою голову.

– Тогда быстро всем за стол, – я хлопнула в ладоши и вдруг покачнулась, потому что вдруг закружилась голова.

– Ева, – тут же испугался за меня Ян, быстро отодвинул стул и посадил меня.

– Все нормально, – сказала я. – Голова немного закружилась вот и все.

Мужчины быстро принесли из кухни нехитрые закуски, Иван разлил вино по стаканам, и они тоже сели за стол.

– За мою королеву, – сказал Иван, поднимая бокал.

– За мою красавицу жену, – вторил ему Ян.

– Зачем вы, – смутилась сначала я, а потом вспомнила, сколько всего мне пришлось вынести и пережить за последнее время, и я справилась с этим. Поэтому я гордо подняла свою голову. – За меня, – сказала я и стукнулась с стаканами Яна и Ивана.

– А теперь мы будем тебя откармливать, – сказал Иван и стал накладывать в мою тарелку много еды.

– Она не съест столько, – сказал за меня Ян.

– Сколько съест, – сказал Иван, наложил в свою тарелку картошки и стал ее уминать. – Извини меня королева, но после обеда мне придется забрать твоего муженька на работу. Дел невпроворот, у меня рук не хватает.

– Конечно, конечно, – закивала я головой и отпила еще глоток вина.

– Пообещай мне Ева, что будешь лежать в постели, – попросил меня Ян и погладил по моей руке.

– Обещаю, – сказала я и улыбнулась ему.

После нашего, такого немного торжественного обеда, я действительно легла в постель и проспала до самого ужина, пока Ян не пришел с работы и не разбудил меня своими поцелуями.

– Я бы не будил тебя милая, – шептал он, – но тебе нужно кушать и набираться сил.

– Хорошо, встаю, – я заглянула за его спину. – А где верноподданный.

– Я попросил его не приходить Ева, – нахмурился Ян, –

подустал от него немного, и хотел побыть наедине с тобой, – он снова стал целовать меня, все больше и больше распаляясь, но потом сам остановил себя, напоминая, что разбудил он меня немного не за этим.

Я накинула халат, Ян накрыл на стол и мы поужинали в зале. Потом он показал мне кухню, шкафчики, которые висели на стенах, и печку, которая теперь располагалась там, а не в зале, как это было раньше.

– Теперь мы заживем как прежде, – говорил Ян, обнимая меня, – ты окрепнешь, встанешь на ноги, пойдешь на свою любимую работу.

– Если еще возьмут, – тяжело вздохнула я.

– Смеешься? – он повернул меня к себе и улыбнулся. – У меня уже спрашивали про тебя, когда ты сможешь приступить к занятиям.

– Правда? – удивилась я и еле сдержала свои слезы, потому что очень боялась, что из-за того, что мои родители репрессированные, меня могли не взять в школу, и поэтому пришлось бы искать другую работу, потому что сидеть дома, сложа руки, я не собиралась.

– Правда Ева, правда, – Ян несколько раз поцеловал меня в шею, и я закрыла глаза. Он отвел меня в спальную комнату, раздел и разделся сам, потом лег рядом и стал целовать и ласкать меня. Я отвечала на его ласки, тихонько постанывая от удовольствия, которое все нарастало, мы шептались слова нежности друг другу и успокоились только тогда, когда

наши тела насытились страстью и любовью каждого из нас.

– Тебе понравилась эта больница? – спросила я у него, когда лежала рядом с ним и обнимала его. – Как тебя приняли в коллектив.

– Хорошо приняли, – ответил мне Ян и поцеловал меня. – Обрадовались очень, ты же была там.

– Да была, к сожалению, – я тяжело вздохнула. – Но работать там не мне.

– Все хорошо Ева, не переживай, у меня все хорошо, и у тебя тоже, скоро все наладиться, все, отдыхай, – он прижал меня покрепче, закрыл глаза, а я не могла уснуть. То ли потому что выпалась за день, то ли мои мысли не давали мне покоя. А когда я наконец-то уснула, то проснулась с криком и напугала Яна.

Мне снился наш ребенок, как я укачиваю его, пою ему колыбельную, а потом он исчезает, прямо у меня на руках, тает, как снег.

– Тише, тише, – успокаивал меня Ян, покачивая в своих руках, – все хорошо родная, я рядом.

– Почему, почему, почему, – плакала я, – уже второй раз, Ян, почему это происходит со мной?

– Милая прошу тебя не надо, не мучай себя, – я затихла в его руках, только вздрагивала от рыданий. – У нас будет ребеночек, обязательно будет. Ложись, вот так, я тебя обниму и прижму к себе, закрывай глаза и не думай сейчас ни о чем.

Теперь я уснула крепким сном, а Ян лежал и смотрел в потолок. Он винил в случившемся себя и только себя. Что не уберег, расслабился, и получил по заслугам. Он уснул только под утро, уверенный в том, что у нас обязательно все наладиться, будет настоящая семья, и он больше никому не позволит причинить мне боль.

Потеря ребенка долго не оставляла нас в покое и наши души. Стоило мне остаться наедине с собой, как я начинала думать об этом, иногда подходила к зеркалу и представляла себя с большим животом, или как кормлю грудью своего ребенка. Слезы лились из моих глаз, и мне приходилось успокаивать себя, чтобы Ян, когда придет с работы не видел, что я снова плакала.

То же самое было и с ним. Это был его ребенок, мальчик или девочка, не важно. Ян представлял себе, как целует мой большой живот и помогает при рождении ребенка, которое он видел не раз. Как берет его на руки и передает мне. Встает по ночам, когда тот плачет. Он прерывал себя на этом, тут же старался отвлечь себя и не думать. Главное для него сейчас было мое здоровье, и тогда у нас все получится, не сейчас, так потом. Он видел мои заплаканные глаза, знал, что я все еще переживаю, случившееся и виню в этом себя. Хотя он знал, что я делала все, чтобы спасти его. Когда он увидел

двор, поленья, которые валялись, он представил себе, как я сначала колю дрова, потом таскаю их наверх, ношу воду, добываю еду. Все это приходилось делать мне одной, пока в нашей жизни не появился Иван Иванович, его начальник. И он представлял себе, каких трудов мне все это стоило, очень ценил и был благодарен мне. И то, это было еще мягко сказано.

– Ева, прошу, не вини себя, на нашу семью выпало испытание, и мы выдержим его, – говорил он мне каждый раз, когда возвращался с работы домой и видел, что я плакала, – давай жить дальше.

– Давай, – шептала я, обнимая его.

Через несколько недель мне стало лучше, и я уже стояла в кабинете директора школы, к моему облегчению, это была женщина, она просматривала мои документы.

– Что ж, первый класс наберете в следующем учебном году, а пока будете преподавать свой предмет в старших классах, – сказала она и посмотрела на меня поверх очков, и потерла свой подбородок. – А какие-нибудь иностранные языки вы знаете?

– Да, – кивнула я головой, – французский, английский и немецкий.

– Замечательно, – кивнула она головой, – в нашей школе преподают французский, учительница заболела, вам придется заменить ее.

Я с радостью согласилась, ведь это было лучше, чем ничего, ознакомились со школой, которая была не такой боль-

шой, как прежняя и расписанием, а потом пошла в больницу, навестить Яна и Ивана Ивановича, как мы шутили, моего верноподданного.

– Опять эти старшие классы, – недовольно хмурился Ян, когда я сообщила ему свои новости.

– Зато занята буду, – вздохнула я, обнимая Яна. – Что тебе приготовить на ужин, – спросила я у него, глядя перед собой.

– Себя, – он оглянулся и поцеловал меня в губы. – Я люблю тебя Ева, и всегда буду любить, – прошептал он. – Несмотря ни на что, верь мне.

– Я верю, Ян верю, ладно, я пойду, передавай привет верноподданному, – я чмокнула Яна в щеку и пошла домой, а он стоял и смотрел мне в след, и думал о том, что мой взгляд снова стал тусклым, как было тогда, когда он встретил меня.

– Они будут снова сиять, я все сделаю для этого, – сказал он сам себе, тихим голосом, развернулся и пошел к больному, которого осматривал, когда я пришла.

А мой верноподданный стоял и смотрел на меня из окна своего кабинета, и тяжело вздыхал.

– Если бы я тогда был рядом, если бы я не уехал, – шептал он и сжимал свои кулаки.

Он полюбил меня, как только увидел во дворе, плачущую возле топора. А когда я просила его остаться, и не уходить... Иван зажмурился, вспоминая этот эпизод, мой умоляющий взгляд, холодные руки, такие маленькие, вцепившиеся в его.

– Почему он не брат, – зло сказал он и стукнул по столу

рукой.

Теперь все что ему оставалось, это быть моим другом и другом семьи, смеяться и шутить рядом, когда так хотелось обнять и прижать к себе, защитить и не отпускать, никогда не отпускать. Ивану приходилось смиряться с этой ролью, а теперь к нему примешивалось чувство вины.

Я как будто почувствовала его взгляд, потому что обернулась и посмотрела на его окна. Но я не увидела Ивана, потому свет в его кабинете был выключен, а на улицу уже спускались сумерки. Он увидел, как я вздохнула, повернулась и медленно побрела по улице к своему дому. В дверь кабинета постучали, и Иван отошел от окна, чтобы дальше заниматься своими делами.

В один из воскресных дней, когда мы сидели с Яном дома, я вязала, сидя возле печки на кухне, а Ян мастерил на кухне полки. Вдруг в нашу дверь забарабанили и мы вздрогнули.

– Где моя королева! – услышала я зычный голос Ивана и заулыбалась. – Одевай ее да потеплее! – показал он на Яна пальцем, который открыл ему дверь.

– Что ты задумал, – сказал ему Ян недовольным голосом.
– Одевай, я сказал, – приказным тоном, ответил ему Иван.
– Здравствуй Иван, – сказала я, выходя в коридор.
– Здравствуй Ева, – он взял мою руку и поцеловал ее, – я приготовил для тебя сюрприз. Одевайтесь теплее.

Мы с Яном одели самую теплую одежду, которая у нас была и вышли за Иваном во двор, в котором стояла повозка

с лошастью.

– Садитесь, – он показал нам рукой, куда нам нужно было сесть, потом укутал нас обоих, а меня с особой тщательностью, сам сел впереди повозки, взял поводья и щелкнул ими по бокам лошади.

– Но! – гаркнул Иван, и лошадка затрусила все быстрее и быстрее, набирая скорость. Я громко смеялась от восторга, щеки мои покраснелись. Мы выехали за пределы городка, и поехали по дороге, по краям которой стояли высоченные сосны и ели. Я оглядывалась вокруг и восхищалась этой, казалось бы, первозданной красотой.

Не знаю, сколько мы ехали, мне было хорошо, тепло и уютно, потому что Ян обнимал меня и все время следил, чтобы я была укрыта. Но вот вдалеке показался небольшой заснеженный домик, Иван остановил лошадь возле него и помог вылезти из повозки сначала мне, потом Яну.

– Бабуля, принимай гостей! – громко сказал он, когда заходил в дом.

– Проходите, проходите, – говорила невысокая старушка, и слегка кланялась нам. Избушка была маленькой, но такой уютной. Ян помогал снимать мне теплую одежду, потому что было жарко натоплено, а Иван помогал накрывать на стол.

– Знакомьтесь, значит, это моя бабушка, Агриппина Ильинична, а это моя семья, бабушка, Ева и ее муж Ян, Балашовы, – представил он нас старушке.

– Приятно познакомиться, – сказали мы все вместе, по-

жимая бабушке руку, а она нам.

– Присаживайтесь, чего ж вы стоите. Какие имена то у вас необычные, – закачала головой бабушка Ивана, – я и не слышала таких никогда, чай не русские вы?

– Русские мы Агриппина Ильинична, русские, – отвечал ей Ян, – мой папа просто был поляком, а мама русская. А у Евы бабушку так звали и ее назвали в честь нее.

– Аааа, – протянула бабушка, – чего же не наливаешь гостям то? – повернулась она к своему внуку, который еще чего-то копошился в глубине комнаты.

– Сейчас, сейчас, – говорил он. – Вот, – он поставил на стол бутылку водки и сел рядом с бабушкой, – выпьем за знакомство, – он разлил по стопкам напитков и поднял свою. – За здоровье, – сказал он, и мы все выпили.

Еда, которая была на столе, выглядела такой вкусной, что я даже не знала, за что мне сначала браться.

– Бабушка все делала сама, – Иван решил мою проблему, накладывая в мою тарелку маринованные грибы, картошку и кусочки мяса.

– Кушайте, кушайте, – говорила старушка, кивая своей головой.

Мы выпили еще за победу, а потом, когда я поняла, что я наелась, то обняла Яна за талию и положила голову ему на плечо. Бабушка ушла к печке, а Ян и Иван стали обсуждать свои рабочие дела. Я не заметила, как задремала, Ян взял меня на руки, отнес к постели и положил на нее, укрыв

красивым стеганым одеялом.

– Бу, бу, бу, – слышала я сквозь сон. По голосу я поняла, что бабушка присоединилась к Яну и Ивану.

– Я помогу, – последнее, что услышала я, прежде чем окончательно провалиться в сон.

– Ева, милая, – будил меня Ян, и я вздрогнула.

– Где я, – спросонья, я не понимала, где мы находимся.

– Мы у бабушки Ивана, – подсказал мне Ян и помог мне подняться.

– Чаек на дорожку, – сказала бабушка, а Иван ставил на стол большой пузатый самовар. – С травками моими, для здоровьица.

Мы снова сели за стол, выпили очень вкусного чая. Бабушка надавала нам продуктов, пирожков, и своих трав, объяснила, как их заваривать. Мы горячо поблагодарили ее, оделись и снова погрузились в повозку. На улице было темно, ничего не было видно, я вглядывалась в контуры деревьев, а потом стала смотреть на звезды, которые мириадами усыпали небо.

– Спасибо Иван за эту поездку, – благодарила я своего верноподданного возле подъезда нашего дома. Подтянувшись на носочках, я поцеловала его в щеку, а Ян крепко пожал ему руку на прощание.

– Мы это никогда не съедим, – говорила я, глядя на продукты, которые лежали на нашем столе.

– Съедим, еще как, – обнимал меня Ян. – Давай я тебя

искупаю, — с этими словами, он стал нагревать воду на печке, которую затопил, как только мы пришли, а когда набрал полную ванную, с удовольствием стал мыть мое обнаженное тело.

— Ты это специально придумал, — говорила я, чуть позже тяжело дыша после занятия любовью. Ян тоже быстро помылся, чтобы присоединиться ко мне в нашу постель.

— Да, — прошептал он, все еще целуя меня, — буду баловать мою женушку и не только мыть, но и на руках носить.

— Я это запомню, — промурлыкала я и прижалась к нему всем своим телом.

Дни потянулись за днями, и казалось, что рана на душе затягивается. Ян был нежен и внимателен ко мне, Иван старался устроить маленькие праздники по выходным. Я стояла у окна в нашей квартире и смотрела на улицу. Солнышко светило уже по весеннему, стоял март, прохожие улыбались друг другу. Морозы еще стояли, но все уже чувствовали, что зима сдает свои позиции и скоро придет тепло, а с ним журчание ручьев и пение птиц.

В дверь постучали, я вздрогнула и пошла открывать.

— Здравствуйте, — поздоровались со мной два молодых человека. — Эта квартира Балашовых?

— Да, — кивнула я головой.

— Мы телефон вам пришли поставить, — один из них показал мне телефонный аппарат, а в руках другого я увидела какие-то провода.

– Проходите, – я отошла от двери, и ребята зашли в коридор. Они переговаривались о чем-то своем, выходили, заходили из квартиры, а когда телефон коротко тренькнул и они проверили его работу, я напоила их чаем, и только потом они ушли.

– О! – удивился Ян, когда пришел с работы, – у нас теперь есть телефон.

– Да, – сказала я, накрывая на стол, – снова не будет нам давать спокойно жить.

– А мы будем его иногда отключать, – он подошел ко мне и обнял меня. – Что это, – он вдруг схватил мою руку, – ты обожглась?

– Так получилось, Ян, это ничего страшного, воду нагревала, – я пыталась убрать свою руку, но Ян крепко держал ее. Он тяжело вздохнул, огорченно покачал своей головой, потом сходил за саквояжем, вынул оттуда какие-то бутылочки да пузырьчики, обработал мне рану и перевязал ее бинтом.

– Я буду осторожной, – тихо сказала я и поцеловала его, – мой маленький доктор.

– Ты так в прошлый раз говорила, – он обнял меня и прижал к себе. – Я что-нибудь придумаю с этой печкой.

– Какой же я болван, – бегал по залу на следующий день Иван. – У меня же баня почти готовая есть, немного осталось доделать! Так, Ян, в следующие выходные у меня проведем, мы будем баню до ума доводить, а красавица наша, приготовит что-нибудь вкусненькое.

– Хорошо, – кивнул головой Ян, – только красавица не наша, а моя, – поправил он Ивана.

– Да твоя, твоя, – махнул на него рукой Иван и сел на стул возле стола. – Эх, не везет мне в личной жизни.

– Не отчаивайся верноподданный, – сказала я, накрывая на стол к чаю, – найдем и тебе подругу жизни.

– Не надо мне никого искать, – пробурчал тот, помешивая ложкой в своем стакане, – сам как-нибудь.

С этого дня так у нас и повелось. На выходных мы шли к Ивану, благо он жил недалеко, мужчины стучали топорами и молотками, а я готовила кушать у него дома, старалась сделать его уютным. А еще мне приходилось приглядывать за ними, потому что от работы им становилось жарко, и тогда кто-нибудь из них скидывал свою верхнюю одежду. Я тогда выскакивала во двор и начинала кричать, что тоже буду гулять по двору раздетая. Они ворчали на меня, но потом прятали свои улыбки, потому что им обоим была приятна моя забота и внимание.

Первый раз баню мы затопили в середине апреля. Я напекла пирогов, Иван приготовил веники, чтобы париться, объяснил Яну, что да, как и первым пошел в баню, как разведчик. Мы с Яном сидели, рассматривали его фотографии, которые он достал для нас, чтобы мы не скучали. Вдруг мы услышали его крик, оба вскочили и подбежали к окну.

– Ева не смотри! – крикнул мне Ян, потому что Иван выскочил из бани, в чем мать родила, и кинулся в сугроб, гром-

ко ахая при этом.

– Вот шальной, – засмеялась я, усаживаясь на прежнее место.

– Хоть бы предупредил, – проворчал недовольно Ян и внимательно посмотрел на меня.

– Я ничего не видела, честное слово, – снова засмеялась я, прижимая руки к груди. Ян сначала неодобрительно покачал головой, а потом обнял меня и стал целовать, руками крепко прижимая к себе и поглаживая мою грудь.

– Ян, перестань, – я убирала его руки со своего тела. – Вдруг Иван зайдет.

– В бане продолжим, – пробормотал Ян, с усилием воли отрываясь от моих губ.

Иван вернулся домой довольный, розовощекий.

– Как младенец, – смеялась я, прижимая руки к груди.

– Ооо, хорошооо, – кряхтел Иван, попивая холодный квас. – Давно сруб стоит, все руки не доходили, но тут пришла моя королева, взмахнула волшебной палочкой...

– Вообще-то это мы махали и не волшебными палочками, а топорами да молотками, – сказал Ян, который стоял рядом со мной, обнимая за талию.

– Ну, вот что ты, – махнул на него рукой Иван, – оболтус и есть оболтус, и что ты в нем нашла, не понимаю, – пожал он плечами.

– Что надо то и нашла, – ответил ему Ян. – Все, мы пошли. Он помог мне накинуть мою шубку и надеть валенки, взял

свою шинель, и мы пошли с ним в баню. Для нас это был в первый раз, и поэтому было немного волнительно, как будто бы мы не видели друг друга обнаженными.

Но все прошло хорошо, мы намылись и напарились, и не забыли подарить главное наслаждение друг другу.

– Ох, идти не могу, – я сидела в предбаннике, чуть живая, и довольная одновременно.

– Я бы тебя отнес, – говорил мне Ян, – да боюсь упаду по дороге.

Мы вернулись в дом, Иван тут же подал Яну холодный квас, а мне теплый.

– Спасибо Ваня, я как заново родилась, – говорила я, попивая квас, не в силах даже снять с себя шубку. Ян помог мне раздеться и уложил в постель, чтобы я могла отдохнуть немного. Я даже вздремнула, пока мужчины накрывали на стол, обсуждая свои рабочие дела.

– С легким паром, – мы стукнулись нашими стопками и быстро опрокинули их. – Ааах! Хорошо пошла, – крикнул Иван и стал быстро закусывать, – кушай, давай, – кивнул он головой в мою сторону. – Как там твои ученики, не обижают тебя, – он вдруг подмигнул мне. – Оболтус тебя ревнует к старшеклассникам.

– Он ко всем ревнует и к тебе тоже, – пожала я плечами, а потом нагнулась в сторону Яна и поцеловала его. – Дурачок мой. А старшеклассники нет, не обижают, наоборот, иногда даже встречают возле школы и тут же начинают спрашивать,

особенно им нравиться, когда я рассказываю про Ленинград.

– Так ты из Ленинграда? – удивился Иван, – не знал, не знал.

– Это не я из Ленинграда, а мой первый муж Николай, – я перестала кушать и замерла, глядя перед собой, – погиб, прямо на моих глазах, – тихо сказала я.

– Давайте помянем, – сказал Иван, а Ян погладил меня по руке, я вздрогнула и посмотрела на него.

– Давайте, – сказала я, и мы снова выпили, не чокаясь при этом.

– Ешь, давай, в следующую баню, я ухой вас угощать буду, мне рыбу свежую обещали, – Иван подложил мне еще еды в тарелку и погрозил мне пальцем, – вот снег сойдет, на рыбалку будем ездить, да в походы ходить, река у нас широкая, красивая, вам понравится.

– Наш город тоже стоит на реке, – сказал Ян и посмотрел на меня, – я вырос в нем, а Ева с родителями приехала, там и познакомились. Вернее, с ней познакомился мой старший брат Дмитрий, – Ян вздохнул и снова погладил мою руку, – а потом уже я. Еву полюбил с первого взгляда и пообещал, что отобью ее, так и сделал, – он довольно засмеялся.

– А ты оказывается коварный человек! – с притворным возмущением сказал Иван и мы все засмеялись. – Буду знать, буду знать, – он огорченно покачал своей головой. – И правильно сделал, – он показал на него вилкой, которую держал в руках, – а то, как бы я тогда познакомился со своей коро-

левой а, — он подмигнул мне и снова рассмеялся.

— Я знаю, что правильно, — было видно, что Ян немного захмелел, — и никому не отдам, — теперь он показывал на Ивана.

— А кто отбирает то?! Кто?! — возмутился Иван.

— Так! — я хлопнула по столу рукой, — братцы кролики, прекратили мне тут, — я погрозила Ивану и Яну пальцем.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал Иван, склоняя свою голову.

— Как скажешь, любимая, только не сердись, — Ян взял мою руку и поцеловал ее.

— Пора домой, — сказала я, вставая из-за стола.

— Нет, нет, пожалуйста, Ева, посидите еще, — стал уговаривать меня Иван, — про Ленинград, расскажи про Ленинград, я ни разу там не был.

— Вот знает, как уговаривать, — засмеялась я. — Хорошо, но только если начнете опять.

— Не начнем, не начнем, — Ян, и Иван отрицательно замотали своими головами, чем еще больше рассмешили меня. Я снова села за стол и стала рассказывать о своем городе, который до сих пор был в блокаде.

— За Ленинград! — поднял свою стопку Иван и мы с Яном сделали то же самое. — Чтоб эти фашисты провалились в ад.

— Теперь точно пора домой, — сказала я, вставая, — а то я прямо за столом усну.

— Оставайтесь! Оставайтесь у меня! Места много, — Иван

прижимал руки к груди, пытаясь остановить нас.

– Нет, нет, – отрицательно замотал головой Ян и немного пошатнулся. – Домой, только домой.

– Злыдень, – Иван потряс кулаком в его сторону. – Я тогда вас провожу.

Мы вышли на улицу, и увидели, что идет снег, на улице было тепло и тихо. Я взяла обоих мужчин под руку, потому что шла посередине и шикала на них, если они начинали громко спорить.

– Спокойной ночи Ваня, – я поцеловала его в щеку, когда он нагнулся ко мне, – и спасибо за баню.

– Спокойной ночи королева моя, – он взял меня за руку и не отпускал.

– Так, все, все, – Ян вырвал мою руку из его руки, – развел тут, понимаешь.

– Сбрил бы ты бороду Вань, – засмеялась вдруг я, – а то в темноте на разбойника похож.

– Будет сделано в лучшем виде, – кивнул головой Иван.

– Все Иван иди домой, – строго сказала я. – Это приказ.

– Приказ принят, – он развернулся и строевым шагом пошел по дороге к своему дому, а мы с Яном поднялись в нашу квартиру.

Ян успокоился только тогда, когда мы уже лежали в постели, и он крепко прижимал меня к себе.

– Моя, только моя, – бормотал он, и слегка потряхивал меня, – никому не отдам, никому.

– Спи Ян спи, – я гладила его по голове. – Кому я нужна такая кроме тебя, – я вздохнула и прикусила губу, чтобы не разреветься от жалости, которая вдруг нахлынула на меня.

– Всем нужна, – проворчал Ян. – Этот твой верноподданный, – еле выговорил он, – глаз с тебя не сводит, старшеклассники еще эти, ууухх, – он вдруг замахал в воздухе кулаком.

– Все Ян, успокойся, спи, давай, – я поцеловала его и прижала его голову к своей груди, на которой он лежал, – все будет хорошо, пока мы рядом.

Я снова гладила его по голове, пока не почувствовала что он уснул. Закрыла глаза и я, и перед моим внутренним взором встал Дима, молодой, в форме железнодорожника. Где то он сейчас, жив ли, помнит ли меня. Его мама недавно прислала нам письмо на новый адрес, и я читала его с замиранием сердца. Все было по-прежнему, он него не было никаких вестей. Но Клавдия Степановна верила, что он жив, и я верила в это тоже. Я просто не хотела думать по-другому. Он все еще был в моем сердце, иногда я вспоминала нашу с ним встречу в Ленинграде и грустно улыбалась сама себе, пытаясь представить, а что бы с нами было, если бы не война. Уехала бы я с ним или вернулась к Николаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.